

Л. Сеев

Шесть пуль

Стоял один из тех весенних вечеров, когда, казалось, дышать было нечем: раскаленный за день воздух, лишенный движения, напоминал парилку — люди задыхались и истекали потом. Узкие кривые улочки небольшого райцентра быстро погружались в вечерние сумерки. Старший лейтенант милиции Гасанов молча сидел рядом с водителем оперативной машины, в душе радуясь, что изнурительный день прошел без происшествий.

«Часа за два,— подумал он,— успею проверить посты, дождусь возвращения своих коллег — и домой. А если задержусь, то отдохнуть вряд ли придется».

...Неприятности в районе начались, как только сошел снег: в неделю одна, а то и несколько краж. Уводят коров, овец, а несколько дней назад с колхозной фермы исчезли четыре бычка.

Все работники райотдела милиции были подняты на ноги. Ночами почти не бывали дома, устраивали засады, но напасть на след воров, найти хотя бы малейшие улики не удавалось. Нераскрытые кражи не давали покоя Рустаму Гасанову — заместителю начальника по оперативной работе. Он караулил воров в одном месте, а они угоняли скот в другом. Он проверял всех, кто, с его точки зрения, был способен на такие дела, искал перекупщиков мяса, но их в районе не оказалось. Время шло, а кражи продолжали будоражить местных жителей.

Рустаму доставалось и от своего начальства, и от республиканского. Стали даже поговаривать, что он не оправдывает возложенных на него обязанностей.

Недавно руководителя райотдела и его, Гасанова, вызывали на сессию райсовета, где потребовали в кратчайший срок положить конец этому воровству.

Пришлось привлечь дополнительные силы и средства. План, разработанный Гасановым, утвердили, сегодня в полночь райцентр и прилегающие к нему селения будут взяты под контроль милиции и дружинников...

— Давай в райотдел,— сказал он водителю, когда они объехали все посты.

В кабинете было душно. Рустам распахнул окно. Одетые в розовый наряд цветущие абрикосовые деревца протягивали тонкие ветки. Еще днем они были наполнены тонким и дружным жужжанием пчел, перелетающих с одной ветки на другую, а сейчас тихо — уgomонились неустанные труженицы. Гасанов любил пчел, даже сам собирался завести несколько ульев. В свободное от службы время отправлялся к старику соседу, у которого было с десятков семей, и подолгу наблюдал за ними. Ему даже приходило на ум, что, если бы все люди трудились так, как пчелы, на земле давно было бы изобилие.

Он поделился своими раздумьями со старым пчеловодом. Тот долго молча смотрел на Рустама, потом, вздохнув, сказал: «Эх, милый, у пчел-то тоже разбойники есть. Так и норовят забраться в чужой улей да готовым медом поживиться. Недаром в каждом лотке охрану выставляют пчелиные власти: ни одной чужой не пустят».

Вернувшись к столу, Гасанов пододвинул к себе стопку тоненьких папок. То были дела о нераскрытых кражах. Их и делами-то не назовешь. В каждой папке было по несколько бумажек. Заявление потерпевшего, протокол осмотра... Ни свидетельских показаний, ни примет преступников. Воров никто не видел.

Открыл верхнюю. Она начиналась с заявления сторожа Джафарова:

«Я находился в телятнике. Около трех часов ночи услышал во дворе шум, вышел и сразу ощутил удар по голове, затем связали, рот заткнули тряпкой, бросили на землю. Нападали сзади. Преступников не видел, но почувствовал, что здоровые, сильные. Не видел, как вывели бычков, слышал, как загудела машина и уехала. Когда пришла Фатма, развязала меня и вызвала милицию».

Из протокола осмотра места происшествия было известно, что воры воспользовались грузовой машиной, ожидавшей их в сорока метрах от ворот фермы. На сухом асфальте отпечатков протектора обнаружить не удалось... Бычков, очевидно, погрузили живыми, следов крови нигде не было.

Гасанов прошелся по кабинету. Высокий, худой, с осунувшимся усталым лицом, на вид ему под сорок, на самом деле всего тридцать два. Утром жена опять просила оставить милицию и уйти на любую работу в колхоз. Говорила, что детьми он не занимается, хозяйство запустил, является ночью, дом только на ней и держится. Он тогда отмахнулся, а потом все же подумал: а может, и верно уйти? В колхозе немного подучиться — и на пасеку. Или взять подряд на откорм бычков? Вон Осупов — вместе учились в школе, служили в армии, сейчас ездит на «Жигулях», на семейном подряде денег скопил. Говорит, на будущий год дом поставит. А его, Рустама, зарплата до копейки уходит на хозяйство: жена не работает, третьего ждут. Но уйти — значит, расписаться в своем бессилии... Признаться, что спасовал. А как же дядя Октай? Он тогда, в сорок шестом, отстоял свой аул, на который навалились бандиты. Не отступил. Смертельно раненный, задержал банду на подступах, пока не подошло подкрепление. А был-то всего-навсего участковым. Гасанов знал о его подвиге с чужих слов, но, поступая в милицию, у обелиска Октая дал клятву служить, как он. И вот теперь уйти? Как же потом людям в глаза смотреть,

что рассказать детям, когда подрастут? Выходит, сбежал, испугался трудностей, опозорил род Гасановых?

Рустам знал, что после окончания войны в их горах пряталось много всякого сброда — дезертиры, уголовники, те, кто прислуживал фашистам. Они сходились в группы, убивали, нападали на дома, что побогаче, грабили магазины, склады. Забирали ценности, деньги, продукты и распользались по своим норам, а кое-кто отсиживался у пособников где-нибудь на чердаках или сеновалах. А потом снова в налет. Особенно зверствовала банда, которой верховодил Мансур. Он объявил свою банду карающим мечом Мухаммеда. Беспощадно уничтожал всех иноверцев. Еще до войны был осужден за грабеж православного храма. В сорок пятом его освободили по амнистии, и он вернулся в родные края. Собрал старых подручных, вооружил их до зубов и... Первое время «во славу аллаха» обшаривал жилища и карманы «неверных», забирал все ценности. А вскоре стал нападать и на единоверцев, если у них было чем поживиться. Зверски расправлялся с активистами и работниками милиции. Прежде чем убить, подолгу мучил, чтобы люди страдали перед смертью.

Рустам запомнил фотографии жертв. На одной — истерзанная женщина и двое замордованных детей, старушка с разрубленной головой — это семья заведующего школой, русского, убитого бандитами возле его дома. На другом снимке — трупы двух милиционеров, нарвавшихся на бандитскую засаду. На спинах кровавые звезды.

Банда переходила из одного района в другой, укрывалась у своих пособников. Обзавелась лошадьми и строго конспиративно готовила нападение на мирные аулы. Незадолго до появления банды возле аула Октаю Гасанову тайно сообщил пастух Ахмет, что она уже идет по ущелью. Октай успел найти только трех помощников, местных активистов — бойцов истребительного взвода. Одному поручил по тревоге собрать остальных и сообщить по телефону в район, а сам схватил ручной пулемет, несколько дисков и с двумя бойцами бросился навстречу банде. Он хорошо знал окрестности и торопился, понимая, что единственная возможность задержать бандитов — это не дать им выйти из расщелины. Выход в том месте настолько узок, что арба, груженная стеблями кукурузы, проходит, цепляясь за отвесные стены гор. И успел.

Установил пулемет за валуном, помощников, вооруженных винтовками, разместил по бокам. Ждать пришлось недолго. Послышался цокот копыт. Бандиты ехали медленно, винтовки, а у некоторых автоматы, лежали на луках седел. Октай с первого взгляда узнал главаря — бородатого Мансура, закутанного в бурку. Рядом с ним низкорослый всадник — скорее всего, это Адыготаит, самый кровожадный в банде. Подпустив бандитов на полсотни шагов, участковый дал короткую очередь по отвесной скале, выбив из нее град камней, осыпавших всадников, и крикнул, чтобы сдавались. Но они решили прорваться.

А когда Мансур и Адыготаит были рядом, выпустили почти половину диска. Падали раненые лошади, и за ними прятались бандиты, открыв бешеную стрельбу.

Мансур стрелял из маузера, и Октай краем глаза увидел, как один из его бойцов, уронив винтовку, упал. Он сменил диск пулемета, пере-стрелка стала жаркой. Бандит поднялся и бросил гранату. Но за миг до

взрыва Октай послал в него очередь. Граната рванула рядом, и участковый почувствовал удар. Правое плечо сразу стало мокрым и онемела рука. Переложив приклад пулемета к левому плечу, он продолжал бить бандитов короткими очередями.

Наконец подоспела помощь из аула. Командир взвода с четырьмя бойцами подполз к валуну, и Октай велел им обойти бандитов, чтобы отрезать путь к отступлению. Вскоре он услышал, как гулко заработал пулемет взводного, и бандиты перенесли огонь на пополнение. Бандиты стали отползать. Теперь они были без лошадей: одни были убиты, другие, вырвавшись, умчались прочь.

Преодолевая боль, участковый переставил сошники пулемета и поймал в прицел главаря. После очереди тот распластался на дороге. Но тут настигла и его пуля. Она раздробила приклад пулемета и ударила в грудь. Октай Гасанов уже не слышал, как примчался кавалерийский взвод солдат, не узнал, что банда была разбита и только двое, оставшихся в живых, захвачены в плен.

Давно покончено с теми бандитами, но в уголовном розыске, как всегда, напряженно. Нет, Рустам не имеет права уходить из органов. Это было бы равносильно предательству по отношению к дяде Октаю. Нужно найти преступников во что бы то ни стало.

Раскрыл другую папку — о краже у Фаруса Мирзоева. Рустам был на месте происшествия и все отлично помнил. Большая смиренная корова в крупных черных пятнах давала в день почти три ведра молока. Районная рекордсменка. Местные коровы, словно козы, лазающие по горам, дают пять-шесть литров, а эта — одна за пятерых. Фарус купил ее на Ставрополье. Полмесяца добирался с ней до дома. С женой просто не могли нарадоваться. Какое молоко! Какая сметана! Хвастался на весь район. И вот рекордсменку увели со двора. Хозяева чуть с ума не сошли. Гасанов представил, как темной ночью воры подошли к сараю, накинули веревочную петлю на шею буренки и вывели на улицу. Сначала корова, видимо, не очень упиралась, ведь шла по знакомой улице, по которой каждый день отправлялась на пастбище, а потом, когда свернули на пустырь, забеспокоилась. Но ее погоняли, и она шла вперед. В придорожной канаве у шоссе, где стояла машина, с ней и расправились.

Осматривая место преступления, Рустам прошел весь путь от дома Мирзоева до канавы, в которой остались внутренности и кровь от разрубленной на части туши. Воры, не сняв шкуры, увезли мясо. Но как они отыскиали в поселке единственную крупную чистопородную корову? Раз пришли именно к Мирзоеву, значит, знали, зачем и к кому идут. Подсказал кто-то или среди преступников есть местный? Кто? Не знал Гасанов и куда увозили мясо. Правда, на него сейчас везде спрос, но вряд ли его сбывают в развес. Скорее всего где-то есть оптовик, скупающий все сразу... Через их район проходила автомобильная трасса, пересекающая республику, и воры могли двигаться в любую сторону. Как говорится, у преступников одна дорога, у него, Рустама, десятки.

Гасанов отправил запросы во все соседние районы Азербайджана, просил искать воров и мясо, почему-то верил, что преступники не из их райцентра. Обращался в республиканский уголовный розыск, но ему советовали самому работать активнее. Теперь надежда на ночную опера-

цию, хотя и тут оставались сомнения. Вдруг преступники не появятся? А если среди местных жителей есть их родственники? Тогда ворами быстро станет известно, что районный отдел бросил все силы на их поиск. Налеты, конечно, прекратят или переключатся на соседние районы.

Рустам знал, что встреча с преступниками может быть опасной. у них наверняка есть оружие, хотя до сих пор его не применяли. Надо принять меры предосторожности, на инструктаже обратить особое внимание сотрудников, чтобы были готовы к сопротивлению — в операции участвуют и такие милиционеры, которые еще ни разу не сталкивались с вооруженными преступниками. Он просмотрел список оперативных групп, убедился, что во главе каждой из них стоят опытные офицеры.

Сержант милиции Камал Мадатов сменился с дежурства. Заправил закрепленный за ним газик и ушел из райотдела со спокойной душой человека, добросовестно выполнившего все свои обязанности. Шагая по кривым улочкам городка, он любовался цветущими деревьями, зеленой травой, что поднялась по обочинам тротуаров. По пути заглянул в магазин, перекинулся словом со знакомыми, купил ирисок детям. А когда вышел, заметил старушку, нагруженную двумя сумками с продуктами. Он знал, что она живет недалеко от него, и подхватил ее покупки. Старушка, довольная неожиданной помощью, шла и благодарила, объясняя, что все ее родичи на работе. Поставив на крыльцо сумки, Мадатов собрался уходить, но старушка попросила подождать, торопливо вошла в палисадник и вернулась с тремя гиацинтами. На толстых зеленых стеблях красовались по десятку крупных синих и лиловых колокольчиков. Протягивая сержанту цветы, сказала, что это для его Ширин.

За родной калиткой его встретила вся семья: жена в белой кофте с младшим на руках, дочка, чувствуя себя взрослой, как-никак шестой год, тащила за руку трехлетнего братишку, а тот шел степенно, как и подобает настоящему мужчине. Камал взял у жены ребенка, передал ей цветы и, усевшись под развесистой чинарой, достал ириски. Даже самый маленький протянул ручонку за красивой оберткой, досталась пара конфет и бабушке, что вышла из дома.

Камал поиграл с детьми, починил забор, предложил жене, после того как уложат детей, сходить на последний сеанс в клуб. Шел новый фильм, о нем в поселке только и было разговоров. Когда выдавался свободный вечер, Камал сам укладывал сына, рассказывал ему сказки, иногда напевал какую-нибудь песенку, а мальчик, радуясь отцу, через синю тарачил слипающиеся глазенки, стараясь продлить эти редкие минуты.

Камал надел выходной костюм и завязывал галстук, а жена заканчивала причесываться, когда у калитки остановился мотоцикл и появился милиционер Агирзоев. Он лихо доложил сержанту, что тот должен к двадцати двум часам явиться в райотдел.

— Зачем? — удивился Камал.

Но Агирзоев только пожал плечами.

К своему удивлению, в отделе сержант Мадатов застал всех сослуживцев. Старший лейтенант Гасанов рассказал о засаде, предупредил

об опасности, просил всех действовать осмотрительно, объяснил, кто с кем и куда направляется патрулировать.

Мадатов обрадовался, когда узнал, что будет действовать вместе с участковым инспектором Алы Джафаровым, опытным работником.

Газик бежал быстро, дома вдоль улицы примолкли, заснули, их белые стены серебрились. Мелькнули и остались позади последние фонари. Луна откуда-то сбоку неярко высвечивала ленту асфальта, и Камал включил дальний свет.

— Как дома? Жена, дети? Здоровы ли? — закуривая, спросил участковый.

— Все нормально, а как у вас?

— У меня ведь четверо! — с гордостью ответил лейтенант. — Старший уже помощник. Да и доченьки обе с матерью — и приберут, и постирают, за младшими присматривают. Славные ребята растут.

— Мы сегодня вечером с женой в кино собирались...

— Ничего, завтра сходите. А мне днем нужно в райисполком. Помнишь Ахметовых, тех, что возле школы живут? Дом у них старый, крыша худая, а хозяин никак материал на кровлю купить не может. Вот и пообещал поговорить в исполкоме. А еще насчет спортивной площадки для ребятишек.

Остановились в первом селении возле колхозной фермы. На шум машин из конторки осторожно выглянул сторож, держа наготове дробовик, встал у ворот, да так, что из-за забора поблескивал только один ствол.

Джафаров вышел из машины, задержался в свете фар, чтобы было видно форму, объяснил, что они из райотдела с проверкой. Сторож заверил, что все спокойно, его предупредил заведующий фермой, чтобы смотрел в оба и обходил весь скотный двор, а на всякий случай вот прихватил ружье. И тут же поинтересовался, не нашли ли воров, что скот уводят. Джафаров угостил сторожа сигаретой, сел в машину, и они отправились дальше.

В соседнем селении также проверили скотный двор, побывали возле гаража, узнали от сторожа, что нескольких машин на месте нет, потому что некоторые шоферы на ночь оставляют их возле своих домов. Участковый записал фамилии этих шоферов, номера автомашин и велел сержанту об этом беспорядке утром доложить начальству.

— Ведь тут как? Раз машина дома, езжай, куда хочешь.

Они выбрались на шоссе Агджабеда-Барда. Горы расступились, вдоль дороги начались лесопосадки, за которыми тянулись виноградники.

— Еще метров триста — и будет Верхне-Карабахский канал, дом сторожа шлюзового хозяйства. Поговорим с ним, покурим, и назад. Конец нашего патрульного участка, пора в райотдел, — спокойно сказал сержант и вдруг воскликнул: — Смотрите, лейтенант, самосвал!

Он притормозил и медленно подъехал к большому автомобилю, стоявшему у съезда на проселочную дорогу. Сержант пригляделся:

— Номер бакинский...

Алы Джафаров вышел из газика, передвинул на поясе кобуру, чтобы была под рукой, и направился к самосвалу. Сидевший в кабине человек, увидев милицейскую форму, отодвинулся в угол, подальше от руля.

— Что вы здесь делаете?

— Ехал домой, устал, решил немного поспать.

— Документы! — потребовал лейтенант.

— Документы! — удивленно переспросил шофер. — Какие документы? Дома забыл, — парень нагло усмехнулся. — А может быть, здесь, — и потянулся к перчаточному ящику.

Сержант, внимательно наблюдавший из машины за каждым движением своего товарища, понял, что не все ладно. Заглушил мотор, быстро выпрыгнул из кабины, подошел и рывком открыл дверь самосвала — на него чуть не вывалился водитель. Мадатов решительно обшарил карманы незнакомца, оружия не оказалось.

Лейтенант открыл «бардачок». Вспыхнувшая внутри маленькая лампочка осветила обрез двустволки. Участковый забрал его, повертел в руках, нашел защелку замка, обрез переломился — в стволах два металлических патрона.

— Откуда оружие? — решительно спросил участковый.

Парень, сжав губы, бросил на них злобный взгляд. Джафаров с помощью сержанта надел наручники на неизвестного. Тот не сопротивлялся, принял как должное, когда его затолкали в кабину и захлопнули дверцу.

— Вот что, Камал, отгони газик в посадку, а по радиации передай о задержании с обрезом. И беги сюда. Покараулим. Может, кто еще придет. Недалеко ферма, но на машине туда не добраться.

Мадатов выполнил распоряжение и, оглядевшись, увидел проселок, который шел через лесопарковую посадку и поднимался на косогор. Камал понял, что если появятся дружки задержанного, то они пройдут именно по этой дороге.

— Сержант, смотри за шофером, не дай ему своих дружков предупредить, крик поднять. А я в середине лесопарка подожду, вон за теми кустами. Если появятся, путь им отрежу. На всякий случай оружие готовь. Кто знает, как все получится.

Лейтенант зашагал в сторону от шоссе и скрылся в орешнике.

Камал вернулся к самосвалу, сел за руль, заговорил с задержанным шофером:

— Ну что, где твои друзья?

Тот в ответ попросил закурить.

Камал зажег сигарету, всунул ее в рот шоферу, хотел закурить сам, но подумал, что два вспыхивающих огонька будут видны через стекло, и воздержался. Шофер докурил, сплюнул на пол окурков и стал просить отпустить его, предлагая деньги. Потом пошли угрозы:

— Не отпустишь, друзья пришибут вас обоих. Зачем молодому погибать? Молодому лучше жить.

— Ты сам-то откуда?

— Далеко живу, отсюда не видать, — ухмыльнулся парень. — Как зовут, как фамилия, совсем забыл.

Оба замолчали. Где-то вдалеке залаяли собаки. Из общего собачьего хора выделялся голос злобный, переходящий в визг. Собака ненадолго смолкла, а потом залилась снова.

— Отпусти, три куса дам!

— Где же ты их возьмешь? — усмехнулся сержант. — Я же шарил в твоих карманах, знаю, что пусто.

— Отпусти. Завтра принесу, куда скажешь. Или положу, где хочешь. Мое слово крепкое. Аллахом клянусь.

Пока шел этот торг, лейтенант, расположившись поудобнее в кустарнике возле проселка, вслушивался в собачий лай, думал, что шум на ферме поднялся не зря, наверное, подкрадываются дружки шофера. Сколько их? Двое? Трое? Все равно они с Камалом не дадут им уйти. Ну что ж, придется стрелять... «Подожди, подожди, Алы, — сам себя останавливал лейтенант, — а может быть, действительно шофер остановился отдохнуть? Был у друзей, выпил, ехать дальше побоялся, вот и прижался к обочине. А мы его — в наручники... А обрез заряженный? Зачем портить охотничью тулку и делать из нее бандитское оружие?»

Размышления лейтенанта прервала треснувшая неподалеку ветка. Понеслись чьи-то шаги. Казалось, приближалось не меньше пяти-шести человек. Что делать? Алы решил: пропустить их к машине, скомандует не шевелиться, уложит на землю, свяжет, если, конечно, это преступники, а не какие-нибудь подгулявшие люди. Шум приближался, шаги становились все более отчетливыми.

А в самосвале продолжался разговор:

— Последний раз предлагаю. Пять кусков! Ты садишься в свою коробку, забираешь мента, и оба сматываетесь. Придут ребята, живыми вам не вырваться... Что молчишь? Соглашайся...

Сержант решил проверить, как работает двигатель самосвала. Включил и тут же выключил свет, прислушался к наступающей тишине. И вдруг оба услышали шаги.

— Ну вот, наша торговля закончилась, сейчас будешь расплачиваться! — воскликнул шофер.

Камал потихоньку открыл дверцу. На дороге, что просматривалась сквозь лесопосадку, видел медленнодвигающуюся темную толпу. Достал пистолет, поставил его на боевой взвод. Предупредив задержанного шофера, что, если тот попытается бежать, он будет стрелять без предупреждения, Камал спрятался за кабину.

К самосвалу медленно шел рослый человек, тянувший за веревку трех коров, второй, чуть пониже, — сзади, палкой подгоняя животных. Они миновали кустарник, в котором засел участковый, и приблизились к машине, за плечом рослого виднелся ствол ружья. Задержанный нервозно завожился в кабине, пытаясь ногой открыть дверь, и вдруг во весь голос заорал:

— Легавые нас окружили, Магерраш!

В тот же миг сухо щелкнул выстрел, из кустов выскочил Джафаров, дважды выстрелил вверх, крикнул:

— Ложись!

Животные в испуге бросились врассыпную, свалили высокого и потащили его по земле, так как веревки были у него намотаны на руку. Второй отпрыгнул в сторону и начал стрелять из пистолета по участковому.

Сержант выстрелил в него дважды, участковый тоже стрелял, но почему-то лежа. А первый, оказавшийся поблизости от Камала, наконец рас-

путался, поднялся и, скинув с плеча винтовку, не замечая сержанта, выстрелил в участкового. Камал вскинул пистолет, и бандит, выронив оружие, опустился на шоссе. Задержанный сполз с сиденья на пол грузовика и от страха замер.

Стрельба прекратилась. Сержант, подбежав к высокому, выдернул из его брюк пояс и им крепко связал руки. Обернувшись, увидел, что другой бандит лежит на дороге без движения. Не шевелился и участковый. Камал бросился к нему, приподнял. Части лица у него не было, ее снесло пулей. Он хотел послушать сердце, потом сообразил, что это ни к чему. Камал вытер о землю руки, сунул пистолет лейтенанта в карман и направился ко второму. Он лежал на животе и не подавал признаков жизни. Когда до преступника оставалось шага три, тот, не поднимаясь, выстрелил в Камала раз, второй, третий... Мадатову обожгло грудь, плечо, ногу... Но он сумел ответить. С трудом добрался до газика, вскарабкался в машину, включил рацию и захрипел в микрофон:

— Сержант Ма-да-тов... бандиты убили лейтенанта, помогите...

Попытался добраться до самосвала. Когда наступал на раненую ногу, темнело в глазах. Доковылял до высокого, связанного ремнем, подобрал лежавший рядом старый кавалерийский карабин. Налегая на приклад, как на костыль, упираясь стволом в землю, дотащился до грузовика.

Задержанный водитель, скрючившись, сидел в кабине на полу. От страха его била дрожь. Он повернулся к Камалу. Увидев направленное на него оружие, запричитал:

— Не стреляй, я все скажу!

Сержант, стиснув зубы, морщась от боли, сел на подножку, заметил, что высокий пытается подняться, прохрипел:

— Лежать! Иначе пристрелю!..

С надеждой посмотрел в сторону райцентра, и ему почудилось, что помощь уже близко — далеко на шоссе разлились проблески света. Но Камал не мог разобрать, что это — свет луны или автомобильные фары. На мгновение все потускнело в темноте, выпал из рук пистолет, и от стука упавшего оружия он пришел в себя. Тупая боль в груди не давала покоя. Огляделся, высокий притих и лежал на боку, а вдали появился свет фар. Два светящихся глаза. Подумалось: свои или сообщники этих? А может быть, просто случайная машина?

Камал засунул пистолет за пояс, оперся о винтовку и с трудом заковылял к высокому, его надо было оттащить к обочине — не дай бог, раздавят.

Медленно подошел, судорожно ухватил за телогрейку и поволок бандита, преодолевая боль. Он совсем выбился из сил, сел на обочину рядом с лежащим бандитом.

Огни приближались. Они исчезали, когда шоссе сбегало с пригорка, а потом, взобравшись на гребень, светились ярче. Где-то вдали появились еще светляки фар, и Мадатов подумал, что одна из машин наверняка спешит к нему. Он прилег было на песок, но тут же страшным усилием воли заставил себя подняться, силы покидали его...

Рустам Гасанов зашел в кабинет, надел куртку, достал из сейфа пи-

столет, сунул его в карман, на всякий случай взял запасную обойму, заглянул в комнату оперуполномоченных уголовного розыска. Старший оперативный уполномоченный и два милиционера, оставленные в резерве, играли в шашки. Он направил их в дежурную часть, чтобы быть ближе к рации и под рукой дежурного, а сам решил проверить работу патрульных групп. Разбудил дремавшего шофера, и они выехали на тракт. Рацию держали включенной. По пути им попадались патрульные группы, они заезжали на колхозные фермы, беседовали со сторожами. Одна из групп обеспечивала охрану на заготовительном пункте.

В два часа десять минут поступило сообщение от сержанта Мадатова о подозрительном самосвале и о водителе с обрезом. Слышали, как дежурный по райотделу скомандовал оперативной группе выехать на место.

Гасанов прикинул расстояние до Верхне-Карабахского канала и решил, что опергруппа доберется туда минут за тридцать — сорок, ведь от райцентра до шлюзов около двадцати километров. Сам он не успеет раньше, поскольку находится в противоположном от места встречи Мадатова с подозрительными людьми конце района. Он велел шоферу возвращаться в РОВД.

Подъезжая к райотделу, услышал второе сообщение Мадатова. Схватил телефон, пытаясь что-то еще услышать в эфире — тишина. Гасанов вызвал оперативную группу. Старший оперуполномоченный доложил, что, желая сократить путь, они свернули на проселочную дорогу и застряли в пятнадцати километрах от райотдела.

— Сейчас вытащим машину и... к шлюз приедем...

Гасанов от гнева едва не выругался. Вызвал дежурного по РОВД, приказал направить к шлюзовому хозяйству помощь по шоссе.

— Поворачивай! — приказал шоферу. — Гони на предельной скорости!

Через двадцать минут фары высветили самосвал и у обочины фигуры людей. В одной узнали сержанта, неестественно скорчившегося у канавы. В его руке неожиданно блеснул пистолет. Гасанов заметил Мадатова, пытавшегося целиться в них. Он выпрыгнул из машины и направился к раненому, повторяя:

— Это я, Камал, я, Гасанов.

Сержант неимоверным усилием воли попытался встать, но уронил пистолет на землю и со стоном опустился на колени.

Старший лейтенант подхватил его. Вместе с шофером-милиционером они осторожно перенесли Камала к своей машине, хотели уложить на сиденье, но Мадатов судорожно ухватился за дверцу, чуть выпрямился, прохрипел:

— Как же быть? Джафарова убили... а днем ему надо в райисполком... В кабине самосвала преступник. Пять тысяч предлагал... Вечером мы с Ширии пойдем в кино... обещал... Он бредил.

Яркий свет вспыхнул в операционной, и хирург Гаджиев склонился над раненым сержантом. Трудная операция длилась всю ночь. Шесть пуль были извлечены из его тела...

И почти непрерывно в приемном покое звонил телефон. Сослуживцы интересовались ходом операции, состоянием здоровья своего товарища, предлагали свою кровь. Свершилось чудо, молодой крепкий организм победил.

* * *

Снова наступила весна, стоял знойный вечер, улочки городка погружались в сумерки. Лейтенант Мадатов собирался на свое очередное дежурство.

Оно как будто бы обещало быть спокойным.